

Вэнь Жунь очень серьёзно относился к древним правилам иерархии и статуса, поэтому главные ворота его усадьбы были поистине величественными. Даже не заглядывая внутрь, один лишь внешний вид дома внушал трепет!

И делал он это не ради хвастовства — а исключительно из расчёта на собственную безопасность. Теперь, когда его статус изменился, нельзя было больше пренебрегать формальностями и «делать вид».

Но как только Чэн Лаову услышал, что перед ним — родственники Вэнь Жуня со стороны матери, его отношение стало ещё хуже:

— Подождите!

И, бросив эти слова, он резко захлопнул перед ними главные ворота!

Ведь даже если господин Вэнь ничего не говорил, любой здравомыслящий человек понимал: раз уж он был суйцаем, а потом стал цзюйжэнем, значит, в родном доме он наверняка усердно учился и был настоящим талантом.

Такого человека — как он мог «выйти замуж» и прийти в глухую деревню Ляньхуаао?

Раньше так поступали только самые бедные семьи, которые не могли позволить себе выдать дочь замуж — потому что не было денег на свадьбу и приданое.

А уж прокормить детей — и подавно не могли.

Но господину Вэню в этом не было никакой нужды! Он ведь сам по себе уже был человеком с положением. Значит, единственный вывод: в его родной семье что-то случилось... Что же такого произошло, что заставило суйцаю «выйти замуж»?

Когда строили дом, все говорили, что семья Ванов разбогатела. Но на самом деле все прекрасно понимали: у Ванов никогда не было таких средств, чтобы содержать такую усадьбу.

Значит, всё это богатство принёс с собой господин Вэнь. Вспомнив, каким тихим, хрупким и измождённым выглядел Вэнь Жунь, когда только пришёл сюда, Чэн Лаову понял: в родном доме он явно не знал покоя и счастья.

Да и странно: прошло уже столько времени с момента свадьбы, а родные только сейчас появились? К тому же господин Вэнь, кажется, даже не съездил в «третий день после свадьбы» (традиционный визит к родителям невесты).

В душе Чэн Лаову бушевала буря, но внешне он оставался спокойным и послушным. Он

развернулся и пошёл искать Вэнь Жуня. Тот как раз стоял во втором дворе у резных ворот «чуйхуа мэнь» и тоже смотрел в сторону главного входа вместе с тремя детьми.

— Господин, к вам пришли, — доложил Чэн Лаову. — Двое — мужчина и женщина, очень грубые. Говорят, что они ваш дядя и тётя со стороны матери.

Вэнь Жунь на мгновение опешил:

— Мои дядя с тётей... и ещё осмелились прийти?

Он сам не искал конфликта, потому что не был настоящим Вэнь Жунем — если бы родственники не появились перед его глазами, он бы и не вспомнил о старых обидах.

Но вот они явились — прямо к его дому!

— Да, очень грубые! — с тревогой посмотрел на него Чэн Лаову. — Впускать их?

— Ни в коем случае! — Вэнь Жунь почти не раздумывая отказался. — Зачем мне впускать их? Чтобы они портили мне настроение?

— Тогда прогнать? — оживился Чэн Лаову, уже засучивая рукава. — Лучше всего выгнать их прочь! Что они там делают у ворот — стоят, как ни в чём не бывало?!

— Нет, посмотрим, зачем они пришли, — сказал Вэнь Жунь.

Прогнать? Он ведь прекрасно помнил: уездный начальник собирался разобраться с теми, кто виновен в его «выдаче замуж». Неужели эта пара до сих пор не поняла, что времена изменились и он уже не тот беззащитный юноша?

— Тогда что делать? — растерянно спросил Чэн Лаову, глядя на господина Вэня.

Тем временем за воротами супруги мерзли в ожидании. Тётя Вэнь насмотрелась на усадьбу и тихо шепнула мужу:

— Дом-то неплохой! Гораздо лучше нашего.

— Да это же дом семьи Ван! — раздражённо бросил дядя Вэнь, косо глянув на жену. — Опять за своё?

Ему самому дом очень нравился — одни ворота чего стоят!

Жаль только, что он не принадлежит Вэнь Жуню. Если бы принадлежал — можно было бы прибрать к рукам, и сыну тогда не пришлось бы мучиться с поисками невесты.

— Хоть и мечтай, — вздохнула тётя Вэнь, — в такой глуши... даже царский дворец построй — никто не захочет жить. А вот если бы такой дом стоял в нашей деревне Вэньцзячжуан...

Изначально, выбирая жениха для Вэнь Жуня, они специально искали как можно дальше — чтобы избавиться от него подальше.

Но слишком дальние места не подходили: ни знакомых, ни подходящих кандидатов. В итоге выбрали самое бедное и захолустное место — Ляньхуаао. Кто в уезде не знает, что это деревня, заселённая беженцами? Все они — бедные, да ещё и отчаянные!

Пусть этот учёный придёт сюда — уж точно не заживётся.

Да ещё и с тремя «хвостами» на шее! Самому-то еле сводил концы с концами, а тут ещё троих детишек кормить...

— Даже если бы дом стоял в Вэньцзячжуане, нам бы от него ничего не досталось! — проворчал дядя Вэнь. — Этот дом изначально предназначался для Вэнь Лаоци, а теперь всё пошло кувырком.

— Ты ведь сам подыскал ему эту семью Ван! — упрекнула жена. — Говорил, что они нищие до дна. А тут глянь — совсем не бедные, даже наоборот — богатые!

Она считала, что муж плохо выбрал жениха — получилось, будто Вэнь Жунь попал прямо в рай.

А это вовсе не входило в их планы!

— Да они и были нищими! — огрызнулся дядя Вэнь. — Иначе разве я бы согласился?

Извозчик, стоявший рядом с повозкой, всё это время молча разглядывал усадьбу и думал про себя: «Разве это нищяя семья? Ведь говорили, что Вэнь-суйцай вышел замуж за бедняков!»

Он специально расспросил в деревне — это точно дом Ванов.

Из надписи над воротами он узнал иероглиф «Ван» — ведь и сам он носил эту фамилию!

Это действительно дом Ванов.

Он слышал разговор супругов и удивился: выходит, даже сами Вэнь не знают, во что превратилась судьба их родственника?

В этот момент главные ворота распахнулись.

Из них вышли шестеро крепких молодых работников в коротких рубашках, каждый с двузубой вилой в руках и с суровым выражением лица.

Затем появились два подростка — одеты аккуратно, держатся с достоинством настоящих хозяев.

А следом вышел сам Вэнь Жунь, на руках держа маленькую девочку.

За ним шли две женщины — явно служанки, похожие на нянь.

Вся эта процессия производила внушительное впечатление!

Сегодня Вэнь Жунь был одет в плотный шелковый халат на вате, подшитый по краям чёрным кроличьим мехом. Такой наряд смотрелся строго и солидно, подчёркивая его статус и не позволяя выглядеть слишком юным и уязвимым.

На поясе — широкий пояс из тёмно-зелёного шёлка, с подвешенными аксессуарами: нефритовой подвеской, простым мешочком для мелочей, ароматным мешочком и... футляром для веера.

Веерный футляр Вэнь Жунь изначально не хотел брать — ну какой веер зимой? Неужели у кого-то в голове дыра от холода?

Но внутри футляра действительно лежал складной веер — подарок от самого уездного наставника Чжан Сяня. Веер из фиолетового бамбука с росписью «Сливы в снегу», подписан лично наставником и скреплён его печатью.

Когда Вэнь Жунь переодевался, жена Чэнь Цяня настояла на полном парадном наряде. Она даже перепричесала ему волосы, собрав их в аккуратный пучок и заколов нефритовой шпилькой из того же комплекта, что и подвеска. Весь этот наряд она сшила специально к Новому году, чтобы господин мог встречать гостей, но сегодня пришлось использовать его заранее.

На ногах у Вэнь Жуня были новые чёрные сапоги с белоснежными голенищами — сразу видно, что совсем новые!

Такой образ делал Вэнь Жуня зрелым, сдержанным и внушающим уважение — настоящим

господином-цзюйжэнем.

Надо отдать должное жене Чэнь Цяна: она отлично умела создавать нужное впечатление и заранее продумала, как именно «внушительно и величаво» появиться у ворот.

— Вэ... Вэнь Жунь? — супруги остолбенели, глядя на фигуру, стоящую на трёх ступенях парадного крыльца.

Вэнь Жунь держал на руках сестру, и в его взгляде, в осанке чувствовалась такая уверенность и величие...

Неужели это тот самый «книжный червь», который «ушами не слышал мира, а сердцем знал лишь святых»?

— Вы кто такие? — спросил стоявший впереди десятилетний Ван Цзюэ. За полгода он окреп, набрался здоровья и стал похож на настоящего мальчишку.

Он быстро рос в высоту: Вэнь Жунь регулярно варил костный бульон для всех — даже для соседей, семьи Ян с детьми.

Детям особенно полезны рыба, креветки и крабы — с панцирем и всё подряд.

Кальций поступал в избытке, и рост у всех троих детей шёл стремительно. Особенно у Ван Цзюэ — сейчас он выглядел как двенадцатилетний юноша.

— Кто я? Спроси у Вэнь Жуня! — всё ещё ошеломлённый, пробормотал дядя Вэнь, поражённый переменами в племяннике.

Тётя Вэнь же прикидывала стоимость одежды: на такой наряд ушло бы не меньше тридцати-сорока лянов! Она не знала, сколько стоит нефритовая подвеска, но чувствовала — вещь дорогая.

Её глаза забегали: выходит, Вэнь Жунь разбогател!

— Братец, — холодно произнёс Вэнь Жунь, — это тот самый человек, который выдал меня замуж за твоего старшего брата. Земля, что я оставил, удобна для обработки?

Когда он уезжал, дядя с тётей прямо сказали: «Твои поля мы забираем себе».

Тогдашний Вэнь Жунь (настоящий хозяин тела) уже еле дышал. Услышав это, он не выдержал — потерял сознание.

Но супруги этого даже не заметили и тут же погнали возчика в путь, не теряя ни минуты.

А в полузабытыи, проезжая мимо Вэньцзячжуаня, он ещё слышал, как люди говорили: младший сын главы рода уже ищет, кому бы сдать дом Вэнь Жуня, и готовится жениться...

Именно это и убило прежнего Вэнь Жуня — он умер от обиды и бессилия. А потом в это тело вошёл нынешний Вэнь Жунь.

— Ты ещё смеешь об этом говорить?! — взорвался дядя Вэнь, едва Вэнь Жунь упомянул землю.
— Ты сдал землю в аренду, но вместо зерна потребовал серебро!

Вэнь Жунь спокойно улыбнулся:

— Мне нужно было ехать в уездный город сдавать провинциальные экзамены. Без денег на дорогу как добираться? Без средств как вести себя в обществе? Поэтому сразу после Нового года я договорился с арендаторами: беру плату серебром, и цена у меня очень низкая.

Именно на эти деньги прежний Вэнь Жунь и собирался ехать на экзамены!

Поэтому осенью дядя Вэнь не мог просто так прийти и взять у арендаторов зерно в качестве арендной платы — это было невозможно.

Арендаторы не будут платить дважды. Арендная плата за следующий год определяется только после Нового года, не раньше второго дня второго месяца.

Будет ли это серебро или зерно, платить сразу или после урожая — всё это решается заранее.

В этом году всё было особенным — ведь Вэнь Жуню предстояло сдавать экзамены!

Поэтому он и взял деньги, причём всего семьдесят процентов от полной суммы — иначе арендаторы не согласились бы так охотно.

Но раз он получил деньги, значит, дяде Вэню уже ничего не досталось — ни серебра, ни зерна.

— Ты ещё и землю продал! — почти в отчаянии воскликнул дядя Вэнь, глядя на племянника так, будто тот — последний расточитель. — Это же основа жизни, опора семьи!

— Я больше не живу в Вэньцзячжуане, — холодно ответил Вэнь Жунь. — Зачем мне там земля? Разве вы сами не говорили, что будете ухаживать за могилами моих родителей и позволите мне спокойно выйти замуж, не возвращаясь в Вэньцзячжуань? Так зачем же оставлять там землю? Кому она достанется? Вам?

— Ты...! — дядя Вэнь онемел. Он кашлянул пару раз и пробормотал: — Маленький дядя ведь мог бы присматривать за твоей землёй...

— Ты думаешь, я ещё поверю твоим сказкам? — Вэнь Жунь даже не стал усмехаться. — Боюсь, вы пришли именно из-за земли. Так вот, слушайте внимательно: я продал и дом, и землю. Я больше никогда не вернусь в Вэньцзячжуань. С этого момента у нас с вами нет ничего общего. Вы ведь ещё при жизни моих родителей отделились и завели отдельное хозяйство. Значит, моё имущество — моё дело! Всё, что я получил от продажи, — это мое приданое. Не питайте понапрасну надежды.

Неужели они думают, что он — как прежний Вэнь Жунь, которого можно легко обмануть?

Оставить им всё имущество, а самому здесь, в глуши, кормить троих детей отрубями и жмыхом?

Это не в его характере.

Что там было с прежним хозяином тела — его не касается и не волнует. Но он сам не собирается терпеть несправедливость.

— Так ты ещё и дом продал?! — взвизгнула тётя Вэнь. — Да ещё и такому человеку?! Ты вообще знаешь, кто он такой?!

— Конечно, знаю! — Вэнь Жунь знал очень хорошо.

Он ведь уже стал местной знаменитостью в уездном городе. В прошлый раз, когда заходил в уездную управу, даже встретил Юань Дао, который пригласил его на обед.

Правда, без алкоголя.

Юань Дао считал, что такой господин-цзюйжэнь стоит наравне с самим уездным начальником, и пить с ним — себе дороже. Лучше угостить хорошей едой и заодно обсудить вопросы аренды лавок.

Вэнь Жунь оказался человеком сговорчивым, да и уважение к секретарю Мао сыграло свою роль — разговор прошёл очень дружелюбно.

Сначала они просто ели — все были голодны. А потом беседа стала интереснее.

Юань Дао рассказал ему, что тот самый человек, которому Вэнь Жунь продал дом и землю, — на самом деле главарь местных «цинпи».

Здесь «цинпи» — не лекарственное сырьё, а местное прозвище для бездельников и хулиганов, которые обычно ходят в коротких синих рубашках. А «цинпи-лаода» — их предводитель. Правда, этот предводитель теперь решил «умыть руки» и завести честное хозяйство, жениться и стать уважаемым мелким землевладельцем.

Вэнь Жунь знал об этом. Он также знал, что у этого человека вспыльчивый характер, он не из тех, кто терпит обиды, и у него есть целая банда преданных «братьев». Хотя они и решили вести тихую жизнь, это лишь означало, что они больше не занимаются преступлениями. Но если кто-то посмеет задираться — они обязательно «научат уму-разуму».

И действительно, Вэнь Жунь не ошибся в выборе!

Когда новый владелец приехал принимать дом и землю, оказалось, что дом уже заняли, а за землёй кто-то присматривает. С таким характером он, конечно, не стал мириться!

А жители Вэньцзячжуаня считали, что и дом, и земля — это собственность их деревни, и никакой «чужак» не имеет права там селиться.

Вэньцзячжуань был очень сплочённой общиной. Там почти все носили фамилию Вэнь. Несколько семей с другими фамилиями жили там только потому, что взяли в жёны женщин из Вэньцзячжуаня, а их дочери в свою очередь выходили замуж за мужчин из Вэньцзячжуаня.

Хотя они и не носили фамилию Вэнь, но были неразрывно связаны с деревней узами родства и брака — только так можно было получить право жить в Вэньцзячжуане.

Иначе чужаков там жестоко притесняли!

Особенно глава рода Вэнь — он был одним из уважаемых старейшин уезда и имел право вести дела в «Павильоне разъяснения указов» (Шэньминьтин).

Именно поэтому дядя Вэнь осмелился без ведома уездной управы выдать замуж Вэнь Жуня — человека со степенью суйцзя — и присвоить его имущество.

Ведь глава рода одобрил, староста кивнул — и дело считалось решённым. Вот таковы были иллюзии дяди Вэнь.

На самом деле, мелкие бытовые споры между простолюдинами действительно могли решать родовые старейшины и деревенские старосты. Но по-настоящему важные дела — такие, как лишение имущества или принудительный брак — обязательно должны проходить через уездную управу.

Без одобрения властей и без официальной печати любое решение считалось недействительным!

<http://bllate.org/book/15642/1398056>